

Юрий Александрович Стригин

Вспоминая прошлые года
(о Н. М. Рубцове)

с. Устье

Рукопись предоставлена сотрудниками Устье-Кубинской районной библиотеки им. К. И. Конищева

В Вологодском государственном педагогическом институте я учился с 1958 по 1963 годы. На старших курсах я жил в общежитии на ул. Маяковского, д. 6, рядом с институтом, в деревянном двухэтажном доме, которого сейчас нет. В этом же здании на втором этаже, но в другом крыле, жили Виктор Коротаев, Леонид Беляев и Юрий Заверткин, сменивший в последствии из-за насмешек фамилию на Широковский. Сейчас Юрий Широковский работает в институте развития образования.

В институт я поступил после службы в армии, и сразу был избран в разные общественные организации, в том числе и профсоюз.

В те годы в г. Вологде была замечательная традиция проводить встречи писателей и поэтов с читателями. Организаторами таких встреч, я предполагаю, были Дом политического просвещения обкома КПСС и союз писателей Вологодской области.

Делаю такой вывод потому, что встречи проходили в доме политического просвещения, что на улице Батюшкова (сейчас фирма «Белка»), а ведущими вечеров встреч были руководители этой организации и работники обкома КПСС.

Объявлений в городе, как мне кажется, в то время не было, а приглашался комсомольский и партийный актив. Я побывал на этих встречах, потому что был членом бюро комсомольской организации физико-математического факультета. Доказать это могу тем, что прилагаю копию фотографии, где я в числе делегатов XXII комсомольской конференции г. Вологды. На старших курсах я был заместителем председателя профсоюзного комитета физико-математического факультета, а потому получал приглашения. Был обязан присутствовать и, кроме того, уже имел приятельские отношения с начинающими поэтами, с которыми часто вместе и ходил на эти встречи.

Вначале я шел по обязанности, а в дальнейшем посещал уже с интересом, который сохранился и в последующие годы. Сохранились воспоминания об этих годах поэта Александра Романова, возглавлявшего в те годы союз писателей и поэтов:

«В те уже давние, а для нас молодые годы, проводить литературные вечера и встречи с читателями было делом самым обыкновенным. И мы выступали перед тысячами земляков, соприкасаясь с тысячами судеб и давали тысячи автографов, которые оставили людям на своих книгах. В писательской организации денег на поездки хватало, приглашений присылалось много».

Как правило, на таких встречах, вначале выступал Александр Романов, который рассказывал о делах и планах в издательстве, о том, над чем работают писатели и поэты, отсутствующие на встречах, а затем читал свои стихи. К сожалению, о чем они, я не запомнил, а вот до сих пор отчетливо представляю самого Романова: в черном костюме, белой рубашке с галстуком, с огромной шевелюрой темных, кудрявых волос на голове.

Вторым выступал Василий Иванович Белов, которому поступало, как правило, много вопросов. Он рассказывал о том, над чем сейчас работает. На одной из встреч Белов сказал о том, что работает над новой книгой.

Затем слушали Ольгу Фокину, Виктора Коротаева, Леонида Беляева.

Запомнилось выступление О. Фокиной, когда она читала свое стихотворение о черемухе на старом огороде, посаженной до войны отцом. Когда отец ушел на фронт, жить стало труднее. Однажды мать жала серпом крапиву, чтобы сварить суп, и вместе с крапивой

срезала ветку черемухи. А когда сварили суп, то он пах черемухой. Еще запомнилось, что Ольга Александровна не вышла к трибуне, за которой стояли все выступающие, а поднялась из зала на сцену и где-то в уголке сцены прочла стихотворение. Потом тихо вернулась в зал. Запомнилось потому, что это напомнило мне мое детство. Нас было три брата, и жили мы в д. Гора. Сейчас этой деревни уже нет, а черемухи до сих пор живы. У каждого из нас была своя черемуха. Младшие братья жаловались маме на меня, а когда они залезали на мою черемуху, то уже попадало им. Помню их слезы и слова мамы о том, что я старший, а потому должен помогать, а не обижать.

Затем я уехал из Вологды на работу в с. Никольское и в 1967 году поступил на заочное обучение. В 1969 году окончил университет марксизма-ленинизма Вологодского горкома КПСС.

Занятия заочного отделения были два раза в год – зимой и летом – в здании политпросвещения, в котором проходили встречи с писателями и поэтами, которые я уже не пропускал. Тогда я встретился с Николаем Михайловичем Рубцовым и слушал его стихи.

На одной из встреч В. И. Белов рассказал о своих планах написать книгу о коллективизации на Севере. Выступал Сергей Викулов, который вроде бы в то время уже работал и жил в Москве.

Помню выступления Николая Рубцова. Он, как и Ольга Фокина, выступал прямо со сцены, где была лестница из 2-3 ступенек. Бросалась в глаза его небрежность и скромность в одежде, но запомнились на всю жизнь его слова из стихотворений: «Лежат развалины собора, как будто спит святая Русь...».

И вспомнилось тогда, как у меня на родине около школы, где я учился в младших классах, стояла Благовещенская церковь. Была она тогда еще целая. Стояла не закрытая на замки, правда, на колокольне и на куполах не было ни крестов, ни колокола. Но на колокольню мы залезали, так как ступеньки были до самого верха, где висели колокола. И вот на наших глазах эту колокольню повалили на землю в целях добычи кирпича. Когда она упала, кирпич раскрошился, получился вместо углового кирпича щебень. Мы, дети и взрослые, наблюдали за этим, находясь напротив церкви, на другом высоком берегу р. Томаш, где была еще в то время действующая водяная мельница.

Долгие годы мне были непонятны слова из стихотворения Рубцова: «Иных времен татары и монголы...». И только через десятилетия, когда русских людей стали выживать из Таджикистана, Грузии и других новых независимых государств, до меня дошли его слова.

Можно меня и осуждать – я не литератор и не поэт, но хочу привести слова нашего земляка композитора Валерия Гаврилина: «Творчество Н. Рубцова я понял не сразу. Только через два года после его гибели. Я думаю, что это оттого, что его духовный, душевный мир был гораздо богаче, ярче и сильнее, чем мой. И теперь в современной русской поэзии нет поэта более для меня дорогого, чем Рубцов».

В те далекие годы о Рубцове знали мало. Я знал, что он был другом В. Коротаева, с которым я неоднократно встречался и в Вологде. Может быть, я и не прав, но Н. М. Рубцов, вращаясь в кругу уже известных поэтов, материально обеспеченных, закончивших литературный, педагогический и другие институты, чувствовал себя и неуютно, и нервно.

Последующие встречи с Н. М. Рубцовым проходили уже у нас в районе. Приезд на рыбалку с друзьями – Н. Рубцовым и В. Коротаевым – описал в повести «Погибшие строки» В. Астафьев. Опубликована она была в приложении к газете «Красный Север». Позже эта история была описана в книге В. Астафьева «Пролетный гусь».

Виктор Коротаев позвонил мне на работу и рассказал о намерении приехать на рыбалку – но без организации встреч с читателями. Я доложил своему руководству. В то время я работал инструктором райкома партии. Меня поддержали и поручили встретить, найти лодку, снасти, но самому не уезжать, а быть на работе.

Почему Коротаев не позвонил высшему руководству? Как потом выяснилось, накануне поэтов и писателей пригласили на беседу в обком партии, а основанием для этого было то обстоятельство, что при непосредственном участии А. Е. Дрыгина, первого

секретаря обкома КПСС, все писатели и поэты, в том числе и Н. М. Рубцов, получили в Вологде неплохие квартиры.

Разговор закончился неприятно для поэтов, а потому надо было выехать на природу, не привлекая внимания руководителей, дабы избежать еще больших неприятностей.

Вскоре состоялась короткая встреча на квартире на улице Пионерской, 9, где я в Устье жил. Виктор Коротаев уже бывал у меня несколько раз и потому, возвращаясь с охоты из Верхне-Раменья, зимой ко мне зашли А. Романов, В. Коротаев, В. Белов, Н. Рубцов.

Коротаев вел себя как дома, обнимал мою маму. Василий Белов рассказывал, что они ездили в направлении Харовского района. Были они веселы, и только Н. Рубцов внимательно разглядывал меня. Поразило, что все, кроме Н. Рубцова, были в полушубках, а он в пальтишке, когда я спросил: «Не замерз ли?», он ответил, что в машине есть тулуп.

Я не расспрашивал, кто приглашал, с кем охотились, но, наверное, живы охотоведы, которые их сопровождали на охоту. Приезжали писатели на машине В. Коротаева.

Это была последняя встреча. Через несколько дней, а вроде бы на следующий день после суда над Дербиной, убийцей поэта Н. М. Рубцова, неожиданно ко мне в обеденный перерыв пришел Виктор Коротаев. Был он в одном костюме, хотя на дворе была зима. Меня это удивило, и я спросил, откуда он свалился, так легко одетый. Коротаев ответил, что живет у нас в Устье в гостинице, в одноместном номере, и все у него хорошо. Ко мне он пришел случайно, т.к. нужно было побыть одному и осмыслить все, что произошло. Еще он сказал, что пишет повесть о Н. М. Рубцове «Гиря дошла до пола».

Рассказал, что на суде он был один из писательской организации, что суд был закрытый. Впустили его одного, как ближайшего друга, но не разрешили ничего записывать, а поэтому надо было все вспомнить и осмыслить. Гостиницей в то время заведовала Раиса Васильевна Бараева, которая без проблем его приняла и создала все условия для работы.

Виктор Коротаев попросил меня отпечатать его материалы, а затем сразу же уехал.

На смерть Николая Рубцова многие поэты написали свои стихи, но мне ближе всего строки моего друга Виктора Вениаминовича Коротаева:

«Словно исключение из правил,
Он особым светом озарен.
Только на лице вечерне-зыбком
Проступает резче, что ни день.
Сквозь его беспечную улыбку
Грозная трагическая тень.
В нашем мире риска и дерзанья,
Где в чести борьба да не уют,
Эти отрешенные созданья,
Как закаты долго не живут».

И справедливы слова В. Астафьева сказанные им в той же повести: «Не сразу, постепенно, поэзия Н. Рубцова входила в каждый местный дом и прежде всего, в дома вологодских литераторов. Для того, чтобы войти ей в большой дом России, надо было поэту умереть».

Спустя годы на областном радио проходит замечательная передача «Рубцовская осень» и одноименный фестиваль самодеятельности композиторов и поэтов. Поэзия Н. М. Рубцова оказывает благотворное влияние на человека любого возраста, делая его лучше, благороднее, порядочнее. Понимание приходит с возрастом, а песни на его стихи трогают каждого.

Любите Россию, любите поэта Н. М. Рубцова.